

WORLD
WARCRAFT
WARLORDS of DRAENOR™

407LE4

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Кодекс правителя

Райан Квинн

Посланница орков с иссеченным шрамами лицом поднималась в гору, к вратам Верховного Молота, с трудом карабкаясь по каменным ступеням, которые были ей по пояс.

Огры останавливались поглазеть на нее: обычные громилы – из теней, окутывавших тропу, горианцы побогаче – из своих домов, украшенных трофеями.

Еще один наблюдатель следил с башни за продвижением посланницы, при этом оба его разума переполняло отвращение. Эта орчиха топала по горе, которую обустроивали поколения огров, которые крушили и расплющивали породу, пока она не превратилась в город, дворец, крепость – родной дом.

И все же часовые позволили орчихе зайти в подъемник, ведущий на второй ярус Верховного Молота, безмолвно опустив копьа. По традиции, на одиноких гостей смотрели с любопытством. Убить их можно было и позже.

Когда подъемник, содрогнувшись, остановился, взору посланницы предстала дюжина оборванных орков-рабов, вращавших лебедки. Один за другим они побрели прочь, оглядываясь на нее.

Посланница посмотрела вверх. Там, за вершиной Верховного Молота, едва виднелись очертания огромного балкона – это был Трон Императора, где обитал король-чародей огров. Однако добираться до него было далеко. Орчиха

сморщилась, вдыхая пыльный воздух, насыщенный зловонием, исходящим от хижин рабов.

И тут к ней с неожиданной скоростью устремилась группа огромных, элегантно одетых огров. Самый большой и высокий (явно старавшийся опередить своих товарищей) добежал до нее за несколько секунд и остановился с изяществом вагонетки, которую столкнули с горы. От него пахло жиром и духами, хотя соломенно-желтое платье было безупречно. (Видимо, в отличие от своего хозяина, одежда побывала в чистке совсем недавно.) Не сводя глаз с посланницы, огр одной рукой залез себе под брюхо и почесался.

Голос его был вкрадчив и ласков.

– Верховный советник Варег. Я говорю от имени императора. Ты можешь передать сообщение мне, пока я обедаю, а затем покинуть Верховный Молот, сохранив свои хрупкие кости в целости.

С этими словами он достал остро пахнущую лопатку элекка и с хрустом откусил. Во все стороны полетели брызги жира. В один миг лопатка уменьшилась вдвое, причем вместе с костью. Огр оскалился, готовясь продолжить трапезу: это был верный способ подстегнуть любого посетителя.

Посланница по очереди обвела взглядом всех огров.

– У меня послание от Громмаша Адского Крика, вождя Железной Орды. Послание всем ограм Награнда. – Она помолчала, потом добавила. – Если хотите прожить на Дреноре еще хоть один день, эту милость придется заслужить.

Огры, все как один, рассмеялись. Когда они умолкли, в ответ с подъемника посыпался песок.

– Вот как? – отозвался Варег. Не глядя на орочиху, он старательно выковыривал ногтем кусок хряща, застрявший между желтыми зубами. – Продолжай. Каким же образом?

Посланница раздраженно процедила сквозь зубы.

– Ползайте перед Железной Ордой на коленях, не смея поднять глаз. Отдайте нам всю вашу казну. Переворачивайтесь кверху брюхом, молитесь о пощаде. Мне все равно. Докажите, что от вас есть польза, иначе вас истребят, – последнее слово она прорычала.

Варег склонился над ней, словно свод пещеры, который вот-вот обрушится.

– Малышка, у нас в заложниках сотня орочьих семей. – Он указал обгрызенным куском мяса на раба, толкающего вперед тележку. – Может, Адский Крик не ценит тебя, но неужели он готов рискнуть и их жизнями?

Посланница посмотрела огру прямо в глаза.

– Они уже мертвы.

Она повернулась, чтобы уйти.

Посланница выразилась очень точно. (Докажите, что от вас есть польза, а не покоритесь или сдавайтесь.) Железная Орда была уверена в своих силах и потому вела себя дерзко, но не выдвигала четких условий, не требовала

определенной суммы дани или земель. Ультиматум не был конкретным. То, как его выполнять, решали те, кому он был адресован.

Король-чародей когда-то и сам выдвигал подобные требования.

Император Мар'гок, двухголовый король-чародей Верховного Молота, предки которого укротили лавину и ветер, чтобы возвести в диком Награнде первые башни, колоннады и резервуары, по-прежнему стоял на балконе.

Император следил за тем, как течет жизнь на улицах Верховного Молота издали, через кварцевую линзу. Четыре глаза, пожалованные ему природой, давали обширную пищу для размышлений, однако после нескольких часов наблюдений одна из его голов начала кружиться. (Можно ли увидеть там что-то еще? Может, стоит остановиться?) Ощущение того, что оба его разума спорят между собой, было для него в диковинку, ведь обычно они действовали слаженно, словно две ноги.

Мар'гок прищурился, представляя себе, как на великолепный город смотрел бы один из его подданных – огр с двумя глазами, одной головой и одним мозгом. Может, стоит сфокусировать свои взгляды и мысли на одном объекте? Нет, так править будет невозможно. Все казалось бы ему размытым.

Мар'гок увидел, как возвращаются расплывчатые пятна – его советники, иногда останавливаясь в садах (скорее всего затем, чтобы поспорить друг с другом). Потом он наблюдал, как удаляется маленькая красно-коричневая точка – посланница.

Нападения следовало ожидать очень скоро. (Подобные послания – не прелюдия, а отговорка, придуманная задним числом.)

На улицах со всех сторон доносился вой – словно сам Дренор окружили волки. С запада к прекрасному Верховному Молоту летели шары из огня и дыма. Если они попадут в цель, то каменные башни рухнут, завалив обломками горные тропы. Тогда войска на верхних уровнях не смогут прийти на помощь тем, кто внизу, ведь подъемники движутся слишком медленно. Воины, бросившиеся в проломы, потеряют равновесие, спотыкаясь о камни, и будут перебиты, превратившись из грозной силы в новые препятствия для своих товарищей.

Или, может, Железная Орда атакует с востока, и тогда морды их ловких волков станут красными от крови огров. На востоке Верховный Молот в основном защищали громилы, а они в бою часто бросали копья, надеясь раздавить пару вражеских черепов, прежде чем погибнуть. (Может, недавно их выпороли?)

А что если орки прорвут их строй и доберутся до загонов, где держат рабов? А если они вооружат рабов и поднимут бунт?

Опасность была велика. Под усиливающийся свист стрел император Мар'гок оценил обстановку, принял решение – и отдал приказ.

Он повелел забаррикадировать всех рабов в загонах, а тех, кто окажет неповиновение – прикончить на месте. Трупы надлежало сложить в те же загоны.

Первый удар враг нанесет по нижним уровням Верховного Молота, где живут бедные горианцы – не очень крупные и еще не показавшие себя в бою огры. Мар'гок отправил туда большой отряд часовых – опытных воинов, чтобы те

остановили продвижение врага. Часовые выступали под пурпурно-золотым знаменем императора, и от их боевого клича с холмов сходили лавины.

В авангарде шли краснокожие горианцы — сокрушители чар. Сверкающие вражеские заклинания не причиняли им вреда, и они валили орков на землю ударами могучих дубин и добивали, наступая на горло. Но атака Железной Орды продолжалась.

Разношерстные всадники клана Песни Войны сражались плечом к плечу с другими орками: ревунами, раскрашивающими лица кровью; закованными с головы до ног в закопченные доспехи пехотинцами; искалеченными фанатиками, у которых вместо рук были мечи и которые были преданы гладиатору Каргату. Казалось, что их объединяет только одно – остроконечный красный знак на знаменах и щитах.

И оружие. Каждая крупица способностей, любая толика таланта, которой обладала Железная Орда, была пущена на создание инструментов войны. (Как оркам удалось изобрести так много – и так быстро? Казалось, что на них внезапно свалились знания, накопленные несколькими поколениями.)

Команды орков, с трудом натягивая цепи катапульт, посылали в небо визжащие огненные колеса, которые поджигали огров и расплавляли стены.

Мечи с двойными лезвиями в руках орков вращались, словно лопасти ветряных мельниц. Стальные фургоны, раскачиваясь из стороны в сторону на шатких опорах, перевозили воинов через крепостные рвы, благодаря которым город Мар'гока был таким неприступным. Железная Орда окружала защитников Верховного Молота, даже на узких тропах, где огры стояли плечом к плечу.

В металлическом таране, увенчанном огнедышащим кулаком, находились пять орков. Когда они привели его в движение, он пополз вверх по тропе, по направлению к городу, сбивая с ног огров и превращая их в огромные горящие пугала, пока наконец не врезался в громилу с молотом в руках, осыпав его искрами. Громила упал: в его груди зияла дыра с обугленными краями.

Пленных орки не брали. На Подъеме Императора – вершине Верховного Молота – император Мар'гок втянул всеми четырьмя ноздрями дым и запах горелого мяса умирающих огров. В животе у него заурчало.

Пока Железная Орда пожирала его город, король-чародей Верховного Молота был вдалеке от бойни, среди резных сланцевых колонн своего первого великого детища – залов Горфенона.

Там же собрался совет Мар'гока. Старые, могучие огры сидели, сжавшись, словно тигры перед прыжком, или, наоборот, стояли, словно статуи богов, на огромных валунах, которые принесли с собой. На почтительном расстоянии от советников выстроились ряды стратегов и лучших воинов в изношенных доспехах и с дубинами в руках. Красная, синяя и серая кожа, а также древние татуировки выдавали в некоторых из них сокрушителей чар, которые в ходе длительной подготовки и многочисленных ритуалов становились неуязвимыми для магии. В свое время король-чародей издал особый указ, по которому сокрушителем чар должен был стать каждый двадцатый горианец. Им не удалось остановить продвижение Железной Орды, но, судя по их виду, они были готовы в любую минуту броситься в бой.

Зал был переполнен. Несколько советников кружили вокруг императора; самого крупного огра среди присутствующих. Он был невероятно огромен и казался горой, целиком состоящей то ли из мускулов, то ли из жира. Из его правой головы торчал длинный рог, а на поясе красовался пурпурный кушак, который ниспадал складками до самого пола. Лица Мар'гока скрывали капюшоны, но было видно, что его челюсти крепко сжаты. Он протянул к собравшимся мозолистые ладони.

Среди всех остальных наибольшее рвение проявил верховный советник Варег.

– Наши шаманы создадут раскол на северном склоне, – отрывисто произнес он. – Северная вершина падет и раздавит всех этих карликов разом. – Его жирное лицо сияло.

Несколько членов совета, казалось, были готовы немедленно выпить всю кровь Варега, однако большинство, и особенно сокрушители чар, одобрительно зашумели. В этом зале решение государственных вопросов часто было сопряжено с насилием, и если оппонента не удавалось убедить, последним аргументом мог стать его пробитый череп. Достижение компромисса было делом жизни и смерти.

Мар'гок зарычал, и эхо его голосов разнеслось по всему залу.

– Нет.

Горячий, поднявшийся из низов Варег, мечтавший только об одном – власти, власти и еще раз власти, сейчас выглядел так, словно его отправили умирать на арену.

Уставившись одной парой глаз на Варега, а другой – на толпу, Мар'гок дождался, когда шум стихнет.

– Орков и боевых машин слишком много. Одним ударом их не уничтожить, и к тому же этот план грозит разрушить весь город до основания. Наши легионы, стоящие в первых рядах, отступят к Дороге Победителей и заставят врага идти по ней. Если оркам не подняться по нашим лестницам без помощи веревок, значит, их можно остановить.

Верховный Молот пресекал все попытки чужаков поселиться в окрестностях города. Враг будет утомлен долгим переходом. На то, чтобы организовать настоящую осаду города, понадобится несколько дней. (Обоз Железной Орды должен быть огромен.)

Варег – могущественный маг-лорд, отличался необычным сочетанием качеств: неповиновением и умением выживать.

– Впустив их в город, ты дашь им инициативу. Даже если мы разгромим обоз или перережем веревки, надежды на спасение у наших воинов почти не останется.

– Надежды на спасение? – переспросил Мар'гок. – Значит, ты считаешь, что Верховный Молот падет?

Молчание.

Мар'гок покатал в ладони камень, который его мозоли за много лет сделали абсолютно гладким.

– Ты считаешь, – он щелкнул языком, – что сохранить армию важнее, чем защитить Верховный Молот? – Так никто не говорил, однако и возражений не последовало.

Варег повысил голос.

– Император, ты далеко от поля боя. Ты не видишь ни наших воинов, ни наших врагов. Если не хочешь, чтобы мы обрушили гору, тогда позволь нам бросить в бой все силы. Если мы отступим, наши потери будут велики. После победы ты пожалеешь о них.

Слова Варега эхом разнеслись по залу, и большинство советников отступило от него поближе к императору, безмолвно выражая свою поддержку. Заметив это, Варег еще больше разозлился.

– Орки такие крошечные, что не смогут даже убрать трупы наших воинов! – прорычал он.

Мар'гок казался невозмутимым.

– Возможно, все проще, чем я думал. Следуй за мной, и пусть твои обширные познания о Железной Орде послужат нашей победе.

– Следовать... за тобой, император? Ты идешь в бой?

– Нет. Пока наши войска отступают и сдерживают орков, мы отправимся к вождю Железной Орды и заставим его заключить с нами мир. Отправив к нам своего гонца, Громмаш Адский Крик тем самым дал понять, что гарантирует нашу безопасность.

Охрана императора должна была состоять из нескольких центурионов и одного сокрушителя чар: отзывать большой отряд с передовой правитель не посмел. Мар'гок обвел взглядом сокрушителей.

– Со мной пойдет сильнейший из вас, – прогрохотал он.

К своему неудовольствию он увидел, что те без колебаний вытолкнули вперед огра с синими отметинами на коже. Руны на нем, казалось, кто-то наспех нацарапал камнем. Сокрушитель чар, похоже, был так же разочарован, как и император.

– Император, – мрачно начал он, – сегодня я раздавил головы четырем шаманам. Обмениваться любезностями я не в силах. Позволь мне остаться здесь и сражаться ради славы Верховного Молота!

– Как твое имя, сокрушитель? – негромко спросил Мар'гок.

– Ко'раг, император.

– Ко'раг, – продолжил Мар'гок, – остаться я тебе не разрешаю. Твоя смерть принесет Верховному Молоту меньше, чем твоя жизнь. Более того, – Мар'гок задушил в зародыше малейший намек на возражение, и сокрушитель захлопнул рот, – то, когда и каким образом ты умрешь, решать императору. Ясно?

Ко'раг отсалютовал повелителю, стукнув огромным кулаком себя в грудь.

– А чем я могу послужить тебе, император? – быстро спросил Варег, не упускавший случая напомнить о себе.

Мар'гок позволил обоим ртам растянуться в улыбке.

– Ты будешь тянуть мою повозку.

Верховный советник уставился на него, раскрыв рот. Кое-кто из собравшихся нервно рассмеялся. Звук был похож на скрежет одного камня о другой.

Император уже давно призывал своих советников к тому, чтобы они выражали свое неодобрение ненасильственным способом – плюнув ему под ноги. Еще никто из них ни разу не прибегнул к подобному неучтивому проявлению эмоций, однако предложение возобновлялось снова и снова. Император был великодушен.

Мар'гок со значением посмотрел себе под ноги, затем снова на собравшихся. За окном пролетел огненный шар, засыпая окрестности раскаленными камнями. Император нахмурил брови на левом лице, затем на правом.

Потом снова посмотрел себе под ноги. Плевков не было.

Мар'гок бесстрастно оглядел свою свиту, словно изучая блюда на пиру или пригоршню камней для заключения пари.

Верховный советник Варег уже извлек много пользы из преподанного ему урока, когда тянул восьмиколесную, обтянутую тканью повозку вдвое больше себя. Вид у него был подавленный, однако он не жаловался, хотя его нарядное желтое одеяние уже заляпала грязь. В данную минуту ему помогал Ко'раг.

В отличие от Варега, сокрушитель был облачен в железные доспехи, а оружием ему служила жуткая дубина, украшенная черепом. Голова и мускулистые руки оставались открытыми, как и у всех спутников Мар'гока: на моду Верховного Молота не повлияла даже смертельная опасность.

Не в силах примириться с тем, что он участвует в дипломатической миссии, когда Верховному Молоту угрожает опасность, Ко'раг продолжал хмуриться до тех пор, пока Варег не приказал ему сделать лицо попроще. Урок, усвоенный Варегом, благотворно повлиял и на остальных.

Пусть Варег отличался амбициями, а Ко'раг – упрямством и занудством, оба они были могучими ограми, великолепными воинами, отличившимися как в учениях, так и в бою. Оба они выжили после страшных ран (Ко'рагу выпустили кишки, а Варег был ранен в ногу и дал ране загноиться, чтобы доказать свою силу), и оба уничтожили десятки врагов.

Остальных спутников император выбрал не среди советников, а из центурионов, внимательно выслушав рассказ об их достижениях (хотя и не обращая внимания на имена). Один из них спал в вулкане до тех пор, пока не стал повелевать магмой; другой был лучшим воином на арене, он вырвал когти десяти огромным хищникам и пришил их к своим перчаткам; третий так сроднился с горой, что ни одна стрела теперь не могла пробить его кожу. Каждый из них был способен отнести на вершину горы двухтонный камень, не отдыхая по дороге.

Центурионы еще никогда не видели императора, поэтому сейчас, путешествуя вместе с монархом, они не могли удержаться от разговоров. Мар'гок старался не вслушиваться в их болтовню. Время от времени его головы

раздраженно поворачивались друг к другу, пока у него не началось головокружение. (Приказать им заткнуться? Ладно, пусть болтают.)

Земля у него под ногами превращалась в мягкую грязь, что позволяло свите императора легко передвигаться по горным склонам. Они пошли быстрее; повозка оставляла в земле колею. Варег заметил, что теперь у орков будет первая дорога, и даже сам император позволил одной из голов слегка улыбнуться.

Вскоре после восхода солнца огры добрались до цели. Император молчал, однако в словах его спутников слышалась гордость за себя и свой народ. Его подданные появились на свет в самом начале времен, когда великие Кузнецы выдавили свет из огромного огненного шара, который стал Дренором. Из той же дымящейся глины Кузнецы создали огров и отдали им во владение камни и землю. Им принадлежал весь мир, а их столица возвышалась на его строительных лесах.

Никто из них не сомневался в том, что защитники Верховного Молота продержались всю ночь, в том, что империя выстояла... до тех пор, пока они не увидели Громмашар.

Когда Мар'гок в последний раз видел лагерь Песни Войны, тот показался ему совсем хлипким. Времянок. Дерево и кожа, хижины и лачуги, в любой момент готовые рухнуть. Он будто видел угрюмые, невыразительные физиономии орков в тот миг, когда дождь с ветром обрушит их дома. Он представлял себе, как они все не могут осознать, что же произошло.

Теперь же лагерь стал походить на цитадель. Его окружали острые, словно бритва, частоколы, стены патрулировали вооруженные до зубов орки из самых разных кланов, и повсюду виднелись ужасные лязгающие машины, извергающие больше огня и дыма, чем те, что стояли у Верховного Молота.

Огры шли по Громмашару не таясь, под самодельным флагом парламентаров, который Мар'гок соорудил, порвав пополам свое пурпурно-золотое знамя. Однако орки не подняли тревогу, словно ждали их. Внимание привлекла только огромная, обтянутая тканью повозка.

– Что это? – спросил дородный орк, возглавлявший отряд из двадцати таких же.

Гладкий полированный металл их ручных пушек блестел на солнце.

Варег выковырял засохшую козявку из ноздри и выпрямился во весь рост. За прошлый день его ладони покрылись ссадинами и синяками. Ко'раг возбужденно проверил, как лежит в руке дубина. Местность была незнакомой, враг превосходил их числом и рвался в бой.

(Что здесь поможет? Шутка? Честность? Обман?)

– Это просто дань, – буркнул Варег раньше, чем Мар'гок успел что-либо сказать.

Этого оказалось достаточно. Несколько орков обнюхали повозку, приподняли ткань, посмотрели, что под ней. (Что они вообще могли там увидеть?) Оружие огров было брошено в Зангарское море, однако несколько наконечников огромных копий все еще торчало над водой, несмотря на все

усилия громмашарских воинов. Орки были отвратительно маленькие; на их руках виднелись крошечные вены, на лицах – капельки пота. Все у них было плотно сжатое, все на поверхности, словно внутри не оставалось свободного места.

Император потребовал, чтобы его свита никак не отвечала на унижения, через которые приходится проходить дипломатам. И пока их вели к Громмашу Адскому Крику, яростные взгляды Мар'гока заставляли его подданных повиноваться.

Как бы ни изменился его дом, Громмаш остался тем же. Гроза Награнда выглядел точно так же, как в тот день, когда Мар'гок увидел его во главе отряда орков – длинноволосый, мускулистый, с оскаленными зубами.

Удивило Мар'гока то, что сейчас Громмаш прислонился к трону из узловатого дерева. Этот неудобный трон, казалось, не доживет даже до следующего поколения вождей Песни Войны. Император узнал это дерево и подумал о том, через что пришлось пройти орку, чтобы его добыть.

В правление предыдущего короля-чародея Громмаш провел довольно долгое время привязанным к этому дереву. После неудачного похода на Верховный Молот Громмаш попал в плен, где его избили до полусмерти и едва не уморили голодом. (А потом...)

На них смотрели пустые глазницы побуревшей, сгнившей головы огра, висевшей на сучке. Хотя плоть на черепе уже почти истлела, Мар'гок был почти уверен, что узнал, кто это. Было невозможно так долго ждать смерти своего предшественника, не представляя иногда его обезглавленным.

– Император, – зазвучал глубокий голос Громмаша. – Что ты думаешь о последнем повелителе огров, который мне противостоял?

Он не стал прибегать к театральным трюкам, даже не сдвинулся с места (хотя его властная поза говорила сама за себя). Взгляд его был напряженным, сосредоточенным.

В наступившей тишине огры почувствовали себя неуютно и все разом посмотрели на своего монарха.

– Он был глупцом, – ответил Мар'гок.

Варег разжал сцепленные пальцы, позволив рукам свободно повиснуть.

– Он был глупцом, раз не убил тебя.

Какой-то орк, стоящий рядом с тронном, зашипел. Варег и Ко'раг напряглись и инстинктивно потянулись за оружием, которое у них отобрали.

– Если бы ты был в моей власти, – продолжил Мар'гок, – я бы перерезал тебе глотку на виду у всех пленников и бросил твой труп в океан. А затем отправил их всех вслед за тобой. – Он указал на орка, стоящего у него за спиной. – Твой народ был бы сломлен. А Верховный Молот бы правил всем Награндом. (Снова правил всем Награндом.) Мар'гок всегда прибегал к театральным приемам, если это было уместно.

Громмаш не изменился в лице, слушая, как кто-то обсуждает его убийство. Он мог себе это позволить.

Из-за трона вышло еще несколько орков (теперь только в пределах видимости их уже было две дюжины). Один из них, широкоплечий, чье

татуированное лицо едва виднелось за капюшоном, что-то шепнул Адскому Крику. (Когда это он слушался чужих советов?)

– Понимаю, – ответил Громмаш. – Тогда расскажи мне, чего стоит Верховный Молот. О той дани, которую ты мне привез. О том, во сколько вы цените ваши жизни.

От императора не ускользнуло то, что он стоит против солнца, и это заставляет его щуриться и наклонять головы. Он подавил в себе желание вырвать из земли дерево и прикрыть им глаза. (Громмаш черпает силы из вещи, которая напоминает ему о старых обидах. Сделка, которую ему нужно предложить, должна быть проста, а ее условия – очевидно выгодны для него.)

Мар'гок фыркнул.

– Отлично. Мой дар тебе – знания. Железная Орда слаба.

Настал черед Громмаша улыбнуться.

– Ты говоришь это, пока мы разрушаем стены твоего дома. – Он указал куда-то за спины огров. – Расскажи им, что ты видела.

Орчиха бросилась к Адскому Крику, и Мар'гок узнал покрытую шрамами посланницу, которая принесла весть о войне. Жаль. Он надеялся, что она погибла при осаде.

Ее лицо пылало от гордости.

– Мы прорвали оборону у входа в город. Гора окружена. Они отступают к своим домам.

Мар'гок предполагал, что это может случиться, но не думал, что это произойдет так скоро.

Это явный обман. Иначе и быть не могло. Пока его подданные спорили между собой, а орки наслаждались их замешательством, Мар'гок закрыл глаза и попробовал представить себе отступление огров, уличные бои, расплавленный фундамент разрушенных домов-курганов, текущий к боевым порядкам горианцев.

Ему не пришлось сильно напрягать воображение, представляя себе, как орки окружают его легионы, как жужжит их зубчатое оружие, перепиливая ноги ограм, как падают его воины. Он уже слишком много раз видел эту картину.

Затем орки снесут его статуи. Его мужчины, женщины и дети заревут от ярости и будут оказывать сопротивление, без усталости крича: «Король! Король!» Чем дольше они это произносили, тем меньше это походило на боевой предсмертный крик.

Они, разумеется, так долго цеплялись за эти два слога, потому что выкрикивать их легче, чем «император», а не потому, что они не могли произнести его титул и его имя.

Ну, конечно они выстоят.

Мар'гоку надоело фантазировать, и он открыл глаза. Выдохнув, император повернулся к Ко'рагу и Варегу; те перешептывались друг с другом. Судя по их

лицам и оборонительным позам, они тоже поверили посланнице. Когда Громмаш заговорил, эти двое умолкли.

– А теперь расскажи мне, император, – сказал он уверенно, словно читая мысли Мар'гока, – в чем слабость Железной Орды. (Наконец-то.)

– Пойми меня правильно, вождь. Вас много, и, возможно, рано или поздно твои орки пробьются к самой вершине Верховного Молота. – Император начал расхаживать взад-вперед, оживленно жестикулируя. – Но за это придется заплатить, ведь величайшей силы у вас нет. Вам противостоит армия короля-чародея. Наши традиции столь же древние, как и сам Дренор.

Он протянул руки к толпе и сжал огромные кулаки.

– Из наших домов на вас обрушатся лавины. Мы запугаем ваших волков огнем, а наша земля заставит ваше оружие заржаветь. Чары твоих шаманов на нас не действуют. Мы только рассмеемся в ответ на их жалкие потуги создать гром и молнию. Мы сотрем их в порошок голыми руками.

Слушая эти слова, Громмаш казался почти... заинтересованным. (Орки поклоняются стихиям. Мелкие существа всегда ищут объекты для поклонения.)

– И к тому же, – добавил Мар'гок, – вы крошечные. Даже если вам удастся взять Верховный Молот, вы потратите целый год только на то, чтобы убрать наши трупы.

Мар'гок решительно сжал губы, словно скульптор, убирающий свой резец. Сильные славят свою мощь и стать, умные – свою беспредельную находчивость, обаятельные – дар убеждения и лидерские качества. Однако настоящая сила – это

сочетание всех сил (именно поэтому он и стал императором). Громмаша будут вечно преследовать мысли о силе, которой он не обладает. Мар'гок знал, что это единственный шанс спасти империю и свою жизнь.

– Нам не нужен ваш город. Нам нужны ваши трупы, – быстро ответил Громмаш.

Он встал и левой рукой сжал рукоять секиры, которая доходила почти до его макушки. Ее зазубренное лезвие было покрыто побуревшей кровью, пролитой за прошедший день.

– Все воины Железной Орды готовы погибнуть в бою. Мы побеждаем. Твои угрозы ничего не стоят.

Ко'рага эти слова привели в ярость, но Мар'гок жестом остановил его. Громмаш перестал скалиться, и на его лице появилось задумчивое выражение.

– Но в твоих словах есть доля истины. Ваша магия действительно сильна. Научите нас своим заклинаниям, и тогда мы пощадим некоторых из вас.

В одном плевке Варега было больше жидкости, чем во всем животе орка.

Император попросил несколько минут на то, чтобы поговорить с советниками, и отошел от трона Громмаша. Теперь же он яростно сверкал всеми своими глазами. Слюна шипела в пыли у самых его ног. Пузырьки выходили на поверхность и лопались. Казалось, еще немного, и плевков сам сдвинется с места.

Подобное открытое неповиновение началось совсем недавно, когда Мар'гок походя заметил, что разумно было бы отклонить предложение Адского

Крика. Центурионы еще слюны не увидели. Император незаметно подпихивал к плевку камни, пытаясь его замаскировать.

Варег метался взад и вперед, едва не воя. Еще немного, и его возбуждение передастся оркам, и тогда они решат пустить в ход оружие.

Глуповатый Ко'раг прилагал все усилия, чтобы понять услышанное.

– Император, ты шутишь? Ты... выгадаешь время, обманешь Громмаша...

– Нет! – крикнул Варег. Его обычно спокойный голос срывался. – На совете обе твои головы поклялись, что ты заключишь мир. А теперь тебя испугала цена.

Мар'гок перестал рассматривать плевков. На его лицах отразилась смесь гнева и удивления.

– Чего стоят традиции Верховного Молота, если их некому будет хранить?

– продолжал бесноваться Варег. Неужели твое колдовство для тебя дороже наших жизней? (Жалкая попытка. Скорее не вопрос, а предложение.)

Мар'гок шагнул к Варегу, топнув с такой силой, что поднялась пыль.

– Ты говоришь о выживании как раб, который не видит дальше своих цепей. У тебя сердце орка; опасность для жизни миновала – и ты уже счастлив.

Лицо Варега побагровело. Он зарычал так громко, что его услышал весь лагерь. Остальные огры двинулись по направлению к своим вожакам.

Мар'гок продолжал.

– Гог Истребитель гроннов знал, что жизнь и свобода – это еще не все. Он вскрыл тела гроннов и съел их костный мозг, чтобы доказать, что они не боги. А

затем показал их кости остальным, чтобы возвестить о своей победе. Ему хотелось не просто выживать, поэтому он и построил себе дворец, слишком большой для одной семьи. Там собрались и другие, и вскоре его дом превратился в империю. Он не бежал в горы, чтобы там втайне порадоваться тому, что выжил.

Варег, похоже, все-таки сохранил остатки благоразумия, и во время речи императора не произнес ни слова. (Кому предназначалась эта речь – Варегу? Остальным? Голов было две, но всегда казалось, что языков нужно три.)

– Этот мир принадлежит нам. Мы должны укротить его просторы, открыть его величие – только потому, что мы правим им, как раньше правили Кузнецы. Если ты готов поделиться им с рабами, если ты позволишь им изменять его, ты не огр.

В ответ верховный советник снова плюнул – так, что второй плевок лег точно на первый. И куда же в трудную минуту подевались все его таланты?

Варег остановился.

– Верховный Молот – уже не империя, – фыркнул он. – Это просто большой город. Не думаю, что весь наш клан согласится погибнуть ради него.

Голос Варегу звучал глухо, но очень напряженно. Он кидал взгляды то на одного огра, то на другого, но не смел посмотреть в глаза Мар'гоку, словно с минуты на минуту собирался отречься от императора, бросить ему вызов – что наверняка неоднократно репетировал, пока тянул повозку.

Внезапно заговорил Ко'раг, отвлекая внимание от Мар'гока и Варегу, с яростью глядящих друг на друга.

– Император, орки побеждают. Если ты не собираешься убить Громмаша прямо сейчас, тогда мы должны ему покориться. – Его глаза сверкнули.

Мар'гок скрестил руки на груди, неосознанно подражая одной из своих любимых статуй.

– Значит, империя огров и моя семья становятся разменными монетами. А чем пожертвуете вы? Богатством? Славой, добытой в Колизее? Жизнью?

Варег ответил сразу, но взгляд его был обращен не на императора, а на центурионов.

– Ради спасения нашего народа я готов пожертвовать всем. Пока мы колеблемся, наш клан гибнет.

Варег, разумеется, поспешил заявить о своей солидарности с народом, чтобы заручиться поддержкой свиты. Сумеет ли он толкнуть их на убийство? В истории Верховного Молота подобные дебаты слишком часто перерастали в бунты.

Мар'гок быстро огляделся, стараясь не выдавать своих чувств. Глаза у Варега были волчьи – казалось, он в любую секунду может оскалиться или завывать. Остальные прижали кулаки к груди, отдавая честь – но кому? Их было пятеро, а он один.

Император милостиво кивнул каждому обеими головами.

– Отлично. Я продам им нашу магию. Рабы владеть рабами не могут. Оркам не удастся сделать с силой Кузнецов ничего такого, что уже не сделали мы.

Мрачно, но решительно огры направились обратно к Громмашу.

Мар'гок чуть задержался, стараясь сдержать улыбки на своих лицах. Варег проявил себя. Мар'гока «убедили». Он фактически уступил своему советнику. Поддержи какое-нибудь глупое решение — и массы поневоле объединятся, чтобы ему противостоять.

Это их устраивало – алчную, подлую чернь – верить в то, что ими правит тщеславный, самовлюбленный монарх, который не идет на уступки, который скорее отправит свой народ на задворки истории, чем позволит жить в позоре.

Это была одна из причин, по которой Мар'гок и был императором.

Солнце давно село, и густые клубы дыма от факелов, освещавших Громмашар, сливались со смогом, который висел над его стенами. Мар'гок глубоко вдохнул. Эта смрадная вонь его успокаивала.

Наклонив одну из голов чуть сильнее, чем другую, он мягко произнес:

– Мы научим тебя сокрушать чары, Громмаш Адский Крик.

Лицо Громмаша озарила восторженная улыбка. Была особая сладость в том, чтобы видеть врага у своих ног и знать, что он признает свое поражение.

– Отведи свою армию и пришли в Верховный Молот десять своих самых сообразительных подданных. Я лично обучу их. Они будут готовы через год, а может, и раньше.

Громмаш изогнул бровь, потом нахмурился. Четыре толстых пальца забарабанили по рукояти секиры, однако ответил он сдержанно.

– Не шути со мной, император. Ты научишь всех орков, у которых есть способности, и сделаешь это здесь.

Мар'гок развел руки в стороны и ухмыльнулся, широко раскрыв рты. Такие улыбки обещали тебе весь мир: обычно он приберегал их для родичей, которых собирался убить.

– Если я поделюсь нашей магией со всей твоей армией, зачем тебе тогда мой народ? Как ты поступишь с ограми, от которых тебе никакой пользы?

Если бы у черепа огра, висевшего на троне Громмаша, оставались веки, он бы подмигнул.

Громмаш оскалился.

– Достойных я пощажу. Положись на ценность своей магии, огр. Выбора у тебя нет.

Послышались шаги, и вскоре прибыло еще несколько вооруженных орков. Их возглавляла та самая уродливая посланница, и все взоры обратились на нее. Громмаш поднял руку, требуя тишины.

– Да?

– Вождь Адский Крик, они совершили попытку перебросить подкрепление по морю. Четыре корабля направлялось к Верховному Молоту, но мы навели на них наши орудия, и ни один не добрался до берега. – Каждый ее жест выдавал крайнее волнение. – Остатки их армии укрылись в башнях. Скоро крепость будет в наших руках. – Казалось, еще немного, и она запоет.

Мар'гок посмотрел на свою руку. Он мог одним ударом свалить элекка, мог раздавить грудную клетку орка. Сейчас рука дрожала.

Он попытался унять дрожь, сначала потихоньку, потом изо всех сил – и не смог.

И тут земля содрогнулась. Испуганные крики смешались со скрежетом мечей, доставаемых из ножен. Краем глаза Мар'гок увидел, как Ко'раг бросился к трону Громмаша, по пути растоптав двух орков. Копье с тонким древком просвистело в воздухе и, дрожа, вонзилось ему в плечо. Из раны хлынула кровь, однако сокрушителя чар это не остановило – он был подобен валуну, катящемуся по грязи.

Мар'гок ухватил его одной рукой за горло и опрокинул с такой силой, что с ближайших деревьев облетела листва, а орки попадали навзничь.

Сокрушитель захрипел. Мар'гок поставил ногу на живот Ко'рага и увидел, как его лицо скривилось от боли.

– Тупица! – рявкнул он.

Громмаш вскочил на ноги. Десятки орков направили мечи и копья на Мар'гока. Отойдя от поверженного сокрушителя, Мар'гок выпрямился во весь рост и посмотрел в глаза вождя. Тот был насторожен, тяжело дышал и едва не дрожал от напряжения. Император был больше, Адский Крик – быстрее. (Если Мар'гоку удастся разбудить спящий камень раньше, чем орки подойдут на расстояние удара... Если затем он сможет вложить все силы в бросок...)

– Ты посмел напасть на меня в моем собственном доме? – взревел Адский Крик, и это в самом деле был рев, заглушающий все вокруг.

Он сжал и разжал кулаки; руки скользнули по рукояти секиры. Тяжело дыша, он оглядел других орков; их, как и его, переполняла ярость.

Надежда на удачное завершение переговоров рухнула. Теперь ему придется бежать к повозке. (А вдруг ее уже увезли?)

Четыре вооруженных орка, разделившись на пары, стали наступать на Мар'гока с двух сторон. Он сжал гладкий камень, который как бы сам собой оказался у него в ладони. Зубы прикусили языки, и он почувствовал вкус крови.

– Стойте, – тихо и спокойно произнес вдруг Громмаш.

Мар'гок увидел, как при этих словах стихает ярость орков, как разжимаются кулаки.

– Император не виноват.

Вождь посмотрел туда, где лежал Ко'раг. Несколько орков опустили оружие – но не все.

Однако глаза Громмаша оставались холодными. Он тяжело дышал, но не от усталости, от гнева.

– Мои требования не изменились. Ты будешь учить нас сейчас – или все вы умрете.

Четыре широкоплечих орка окружили Ко'рага, наставив на него копья. Тот стонал, поворачивая голову туда-сюда; сапоги орков плотно прижимали его руки к земле.

– Тогда давай обсудим условия.

– Мар'гок спрятал камень под одеждой и поднял руки. Те, кто убивает с помощью оружия, часто успокаиваются, видя поднятые руки.

Громмаш Адский Крик ничего не ответил.

– Поднимите его.

Стараясь не делать резких движений, Мар'гок сделал знак центурионам, и те усадили Ко'рага и выдернули из его плеча копье. Он содрогнулся; из раны потекла струйка крови.

Вождь кивнул оркам, а они – ему. Теперь дрожащие лезвия мечей и копья, застывшие на уровне глаз, больше не отвлекали Мар'гока, однако его тревожило само присутствие такого количества вооруженных орков. Рог императора покрылся капельками пота, он смахнул его – и воспользовался паузой, чтобы собраться с мыслями.

Громмаш быстро успокоился – гораздо быстрее, чем можно было ожидать. И при этом он не утолил свою жажду крови. Может, он хотел включить плату за это нападение в условия договора? Или... эти новые боевые машины, появившиеся словно ниоткуда, блеск в глазах Громмаша при одном упоминании магии, сокрушитель, которого пощадили, несмотря на попытку покушения на вождя... («Докажите, что от вас есть польза», – сказала посланница.)

– Наши заклинания – не просто часть сделки, – Мар’гок заговорщически поджал губы. – Они тебе нужны. Зачем?

Громмаш молчал.

– Какая сила тебя пугает?

Мар’гок предполагал, что после такого вопроса Громмаш превратится в бешеного пса. Однако вместо этого вождь снова уселся на трон.

– Это правда, – медленно проговорил Громмаш. – Мы не можем знать, кто именно встанет у нас на пути в следующий раз.

Он продолжил, поглядывая на орков, которые окружили его трон и напряженно наблюдали за происходящим.

– Но я уже многое повидал и знаю, что готовиться... необходимо. Я верю, что скоро мы столкнемся с такой магией, которой еще не видели на Дреноре. И мы ей не уступим. Если твой клан поможет нам своими заклинаниями, если вы поклянетесь в верности Железной Орде, то мы даруем вам жизнь.

Мар’гок кивнул обеими головами.

– Да будет так.

– Но, – тут в глазах Громмаша мелькнуло что-то звериное, – если вы отступитесь, если не посвятите себя без остатка общему делу, я отдам вас Каргату Остроруку.

Острорук, вождь клана Изувеченной Длани, некогда расхаживал по Колизею так, словно он был его хозяином. Позже огры Верховного Молота приковали Каргата к стене. Знаменитые рабы могут представлять немалую опасность.

Чтобы бежать, Каргат отсек себе руку (левую? правую?), но и при этом по пути нанес немало тяжелых ран своим тюремщикам. Затем он освободил других гладиаторов и превратил их в свою армию мстителей. Теперь в память об этом легендарном событии орки Изувеченной Длани сами калечили себя.

Мар'гок подумал о том, как долго они будут сохранять ему жизнь, когда отрубят одну из голов.

Речь Громмаша подошла к концу.

– Вы служите нам.

Мар'гок почувствовал вкус желчи в обоих ртах. На свою свиту он не смотрел.

– Я понимаю, – ответил он. – Но с самого начала этого... сотрудничества... ты должен знать, что есть магия, научить которой нельзя. И дело тут не в желании.

Посланница закатила глаза. (Быть может, по дороге в Верховный Молот она сорвется со скалы.)

– Заклинания, о которых я говорю, изменяют тело и разум, словно резец, придающий форму камню. Давая нам силу, они забирают частицу нас самих. Это

может убить даже тех, кто всю жизнь учился с ними работать. – Он со значением взглянул на Ко'рага (еще живого).

Громмаш подпер подбородок рукой; кажется, эти слова его не убедили. Император поспешил заполнить образовавшуюся паузу.

– Если сомневаешься в моей искренности, то я привез доказательства. Варег, повозку.

Варег, не таясь, свирепо посмотрел на императора, но все же притащил повозку. Он, несомненно, полагал, что она пригодится для внезапного нападения на лагерь Песни Войны. Однако если Громмаша и можно было застать врасплох, то только не сейчас.

Мар'гок сдернул ткань, и в его носы ударил запах свежей земли.

В повозке лежал тусклый камень. Пока его выкатывали поближе к зрителям, все хранили молчание в ожидании разъяснений. На орков он, похоже, не произвел никакого впечатления. Это была большая, бесформенная глыба с зазубренными краями. Часть сложных спиралей и завитков с поверхности камня походила на грубую татуировку Ко'рага, но в остальном (для артефакта, который самые благородные семейства Верховного Молота вырвали из недр земли после многолетней междоусобицы) он выглядел весьма непримечательно.

Гладкие камни в карманах Мар'гока слегка нагрелись. Он почувствовал, как их тепло покалывает кожу. Они заерзали, словно пытаются выбраться наружу. Любой шаман орков, разумеется, должен был это заметить.

– Когда этот великий спящий камень проснется, – сказал император, указав на глыбу, – то сможет смягчить любую магию, которую почувствует, даже заклинания ваших шаманов. Но это не все. Это инструмент, с помощью которого мы готовим наших лучших сокрушителей.

Лицо Ко'рага сияло от гордости. Мар'гок продолжил свою речь.

– Сокрушителей отбирают за их стойкость. Их обжигает пламя, расплющивают камни, их лишают пищи, воды и воздуха. Даже самые крепкие при этом могут погибнуть.

Громмаш кивнул.

– Сначала они изучают знаки и последовательности одной из магических школ. Затем им следует получить определенную дозу этой магии – например, в виде швов или рубцов – рядом с этим камнем. В конце концов часть их сущности отделяется, и ее заменяет магия. Они становятся неуязвимыми.

– Только к одному виду магии? – прорычал Громмаш. Давным-давно подобное разочарование испытал и сам Мар'гок.

– Только к заклинаниям одной школы, – ответил император. – Мы пытались сделать лучших сокрушителей неуязвимыми к нескольким школам. В процессе все они погибли. Страшной смертью. Один из них выгорел изнутри.

Мар'гок продолжил свою речь.

– Короли-чародеи сотни лет собирали подобные артефакты. Многие из них изменяют воздействие магии на живые существа, но другие даже не поддаются

описанию. Здесь, в Награнде, находятся и другие артефакты – они глубоко закопаны. Я поделюсь с тобой их силой.

Вождь обошел вокруг артефакта, с интересом его рассматривая.

– И он защитит от магии не только огров, но и орков?

Мар'гок с трудом сдержал самодовольные улыбки на обоих лицах.

– В конце концов – да. Твои воины не такие стойкие, как величайшие сыны Верховного Молота. Вам понадобится время – десятки лет, чтобы приспособиться, даже если мы будем вас учить. Но это достижимо.

В ответ Громмаш издал утробный звук. Любой ответ, в котором не было рычания и крика, следовало считать утвердительным.

Довольный Мар'гок сложил домиком твердые как камень пальцы.

– Значит, решено. Клан Верховного Молота будет, – он сглотнул комки в обоих горлах, – служить Железной Орде.

Об их армиях, землях, совместной обороне он ничего не сказал. Пусть Громмаш сам просит о каждой услуге.

Император посмотрел сверху вниз на покрытую шрамами посланницу. Теперь она была в его власти.

– Прикажи своему легиону покинуть Верховный Молот и вернуться сюда.

Он даже не заметил, что ему уже легче дышится. Дело оказалось неприятным, но с ним уже было покончено. Клан и город спасены, и со временем...

– Нет, – прервал его Громмаш. – Осада закончится только после того, как ты покажешь, как действует артефакт. Но не раньше.

Головы Мар'гока дернулись.

– Твоя магия понадобится мне в бою, вот я и хочу увидеть ее в бою, – продолжил Громмаш. – Разве вы – не ветераны арены? Это будет просто бой с несколькими моими воинами. Если то, что ты говоришь, правда, все закончится быстро.

(Острорук. Сомнений быть не может.)

– Вождь Адский Крик, с каждым огром, убитым в Верховном Молоте, уменьшается число тех, кто сможет обучать твоих воинов...

От взгляда Громмаша у Мар'гока кровь прилила к вискам. Вождь обеими руками сжал рукоять секиры, словно горло, и внезапно Мар'гок понял, как сильна ненависть орка.

– Ты отказываешься, император?

Оба разума Мар'гока на мгновение помрачились. Мысленно он рвал и метал, сыпал проклятиями. Его ладони вспотели. Вот он, мир с Железной Ордой – не договор, а ловушка. (Или же Громмаш вел эти переговоры просто для того, чтобы его унижить?) Император оглянулся на свою свиту, стараясь, чтобы его движения были неторопливыми и размеренными. (Но удастся ли ему это?) Орки были повсюду, куда ни кинь взгляд.

– Нет. Я принимаю вызов.

И Громмаш Адский Крик повел всех на арену.

Никогда огры не были так дружелюбны со своими сородичами, как в те минуты, когда готовились кого-нибудь убить. Пока они рылись в куче оружия, предоставленного орками, тщательно подбирая себе по размеру копьё и кольчуги, воодушевление в их рядах было осязаемым и не уступало тому, что можно было почувствовать во время грандиозного представления в Колизее. Наконец-то все споры закончились, осталось лишь простое бездумное кровопролитие. Убивай. Побеждай.

Прикрепив разорванное знамя Мар'гока к древку копьё, центурионы теперь сжимали в кулаках маломерные мечи орков, словно охапки ножей. Даже Ко'раг, на рану которого наложили мох и замотали тряпками, взвешивал в руках пару слишком легких для него дубинок.

Они даже не знали, какой противник их ждет. (Идиоты.)

Один лишь Варег выглядел немного растерянно. (Больше полагался на магию, чем на оружие из металла? Разумеется.) Сейчас он играл со щитом, то поднимая его, то опуская на землю. Он словно ждал какого-то знамения. Мар'гок подозвал всех к себе и произнес слова, которым было уже несколько веков.

– Вы готовы отдать жизнь за Верховный Молот, совет и императора?

Огры затопали ногами, подняли сжатые кулаки.

– Победите сегодня, и клан проживет еще тысячу лет. – Он посмотрел на Ко'рага. Сокрушитель лучезарно улыбнулся в ответ.

И снова Варег попытался – совсем немного – уклониться от предначертанного ему судьбой.

– Разве ты не будешь сражаться с нами плечом к плечу, император? – Вопрос мог показаться невинным, если бы Варег при этом не пытался заглянуть в глаза всем центурионам одновременно.

– Я буду сражаться вместе с вами, но мое оружие – спящий камень. Адский Крик получит необходимые доказательства. (Я готов пожертвовать всем, Варег.)

Мар'гок поднялся.

– Мы не знаем, кто именно будет нам противостоять. Вы двое, – он указал на Варегу и Ко'рага, – наша защита от магии. Все остальные будут уничтожать врага. Бой не затягивайте. Адский Крик хочет увидеть камень, а не вашу смерть.

Огры повесили знамя Верховного Молота у края арены – неглубокой расщелины среди скал, засыпанной песком с лилово-черными пятнами крови. Было очевидно, что никто из Железной Орды ее не чистит (или же все считали, что предстоящий бой этого не заслуживает), несмотря на то, что рядом с ней сидели и стояли десятки орков, переругивающихся друг с другом. Мест для публики не было.

Под пристальными взглядами орков Мар'гок подкатил артефакт к дальнему краю арены, напротив того места, где стоял Громмаш. За ним следовал Варег, волочивший повозку.

– Император, – шепнул Варег, – тебе нужна поддержка. Позволь, я помогу с артефактом.

– Нет, – отмахнулся Мар'гок.

– А если тебя ранят? Или убьют? Никто, кроме тебя, не заклинал спящий камень, – его глаза были огромны и почти безумны. Он потянулся к императору – умоляя, или собираясь задушить...

Мар'гок отвел его руки.

– Нет. Твое место – на арене. Спускайся.

Удивительно, но он подчинился. Если им обоим суждено погибнуть, то Варег, по крайней мере, умрет первым.

Ворот, ведущих на арену, не было. Один за другим огры спрыгнули вниз, вздыбив песок, и принялись осматривать стены, занимать позиции, стучать оружием по земле, изображая барабанный бой. Они били быстро, не меняя ритма. Снова полетел песок. Послышались гортанные боевые кличи, которые лишь изредка гармонировали друг с другом.

– Вы готовы, – сказал Громмаш, и внезапно все стихло.

Это было утверждение, а не вопрос.

Мар'гок присел на корточки перед артефактом. Его тепло успокаивало, но император почувствовал, что камень уже начал качать у него силу.

– Ведите пленных! – заревел Адский Крик.

Дюжину оборванных фигур, закованных в цепи, вывели к южному краю арены. Это были орки, примерно одного роста с воинами Громмаша, но из-за

потрепанных лиловых одеяний, а также нечесаных волос и косматых бород казалось, что они гораздо меньше. Все были без доспехов и оружия.

Единственное, что кардинально отличало их от сородичей, это зеленая кожа.

Громмаш тихо заговорил с одним орком; ответов пленника не было слышно.

– Я не подарю тебе свободу, чернокнижник.

Затем вождь повысил голос, чтобы его слышали воины Мар'гока.

– Но тот из вас, кто убьет огра, получит награду на выбор – чистый тюфяк или быструю смерть.

Кто такой «чернокнижник»? Мар'гок никогда еще не слышал этого слова. Какое преступление они совершили? Император почувствовал напряжение, которое отзывалось где-то в позвоночнике. Судя по жалкому виду, эти орки, скорее всего, воры – но разве Громмаш не отрубил бы вора́м руки? Огры были озадачены при виде крошечных противников. Ко'раг почесал в затылке и презрительно рассмеялся. С орков сняли оковы.

Когда они подошли ближе, Мар'гок заметил на руках пленных вздувшиеся рубцы – следы бича. (Некоторые из них – совсем свежие.)

Они вяло сползли по стене на арену. Когда их ноги коснулись песка, зрители вытянули шеи, чтобы лучше видеть происходящее. Дюжина против пяти. Мар'гок втянул воздух в оба горла. Они, разумеется, применяют магию – но какую? У них не было ни одной ловушки, они не делали никаких знаков.

– Начинайте! – скомандовал Адский Крик.

Не успел вождь подать сигнал, как Варег, заняв устойчивую позицию, одним движением ноги начертил на песке полукруг и выставил вперед ладони. Пленников это застигло врасплох: из песка, словно волна, появилась ледяная глыба, которая поглотила и раздавила двоих их них, а затем утащила окровавленные останки прочь.

Ногти Мар'гока царапнули по ладони, и он прижал ее к артефакту. Чары, которые он каждое утро накладывал на себя, отступили: его невидимый волшебный щит медленно растаял. Его одежда стала легче и свободнее, утратив качества, защищающие от огня. Он стал уязвим, но почувствовал, как пробуждается сила камня. Император посмотрел на орков и увидел, что их глаза остекленели, а взгляды расфокусировались. (Значит, их магия не связана с единением.)

Остальные огры плотной группой бросились на врага, зажав в каждом кулаке по несколько мечей, топоров или дубин. Из-под их мощных ног летел песок и ледяная крошка. Они быстро приблизились к оркам, а те, словно марионетки на одной ниточке, начали творить свое заклинание. Кое-какие отличительные признаки волшебства были, но ни одного четкого. (Точно не тайная магия и не шаманство – их бы он сразу узнал.)

Послышались слова давно мертвого языка.

– Рассыпаться! – прогремел голос Мар'гока.

Его свита безмолвно повиновалась, растянувшись в цепь, чтобы враг не мог поразить сразу несколько целей.

(Если орки решат разнообразить заклинания и попытаются атаковать каждого огра разными чарами, то несколько спутников Мар'гока выживет, и этого будет достаточно.) Он начал очищать завитки на нижней части артефакта.

Орки зашевелили пальцами быстрее, очерчивая сложные фигуры. Император прищурился, стараясь распознать заклинания, но тщетно – это была незнакомая магия. Он ухмыльнулся, увидев, как Ко'раг снес одному орку голову ударом дубины. Но улыбка быстро угасла: кожа сокрушителя стала отделяться от его тела клочьями, словно листья под струей кипятка.

Десять орков применили то же заклинание. Мар'гок еще не видел ничего подобного. Жуткое зеленовато-желтое пламя, уничтожающее сам воздух, обжигающее легкие, закружилось над ареной. (Нет!)

Огонь врезался в огров, словно ураган, и за одно страшное мгновение сжег их кожу. Лучшие воины Верховного Молота превратились в куски высохшего мяса, их обезображенные трупы рухнули на песок. Несколько вспыхнувших прядей волос – единственное свидетельство того, что эти огры когда-то жили на свете. (Нет. Нет.)

Мар'гок ударил обеими ладонями по артефакту. Тот не отозвался.

Король-чародей проиграл. Лица Мар'гока обмякли, словно у мертвеца. Он увидел, как Варег (возможно) тлеет и плавится, но даже вид поверженного противника не доставил ему радости.

В затуманенных глазах орков-чернокнижников отражался тусклый желтый свет факелов и фосфоресцирующие зеленые языки пламени, потрескивающие в воздухе. Орки повернулись к Адскому Крику и один за другим (издевательски?) отсалютовали ему.

И вдруг Мар'гок увидел позади них какое-то движение. Ко'раг, сильно обожженный, пошатываясь, поднимался на ноги, выбираясь из зловонной жижи, которая залила всю арену клана Песни Войны.

Император конвульсивно дернул ногой, ожидая, что сейчас произойдет невозможное. И протянул руку к артефакту. Бой уже проигран, так что трупами воинов Верховного Молота можно спокойно рискнуть.

Серый камень обжигал. Император познакомился с этой магией всего несколько секунд назад, но, возможно, этого хватит для того, чтобы скопировать, симитировать ее. Стиснув зубы, король-чародей втянул в себя воздух – осторожно, словно рисуя фреску на трухлявой доске.

На коже Ко'рага появились тонкие зеленые огненные линии, они побежали по его телу, угрожая лишить остатков жизни. Надпись Мар'гока пересекла синий кусок кожи, покрытый рунами, и сокрушитель закричал от боли и снова рухнул на песок.

С волчьей быстротой орки-пленники обернулись. Один безжалостно протянул к сокрушителю руку с длинными пальцами. У Мар'гока екнуло сердце – на этот раз сильнее из-за крупницы надежды на спасение: пенящееся зеленое пламя снова появилось и, словно саван, окружило Ко'рага.

Мар'гок повел свою надпись вверх, вслепую – к той точке, откуда начал. Ко'рага он не видел. Его палец замер.

Пламя полетело прочь и рассеялось в воздухе.

Две школы магии. Теперь сокрушитель был защищен от обеих. Это было невозможно – до тех пор, пока не стало возможным.

Мало-помалу, пока Мар'гок задерживал в легких обжигающий воздух, тень Ко'рага растянулась на стене и нависла над орками. Он встал во весь рост; под ожогами теперь виднелись как синие, так и зеленые знаки. Письмена, торопливо нацарапанные королем-чародеем, сливались с рунами, начертанными пеплом.

Сжав зубы и бешено вращая глазами, сокрушитель двинулся на орков. Время от времени с его кожи срывались заряды огненной зеленой энергии.

Ко'раг был безоружен и бросился врукопашную. Он давил орков своим телом, ломал тонкие, как бумага, тела, превращал их в кроваво-черное месиво ударами своих кулаков и локтей, напоминающих сталактиты.

Один из пленников отступил от уничтожающего его товарищей противника. Забыв про свои заклинания, он подобрал с земли оружие и теперь размахивал им, надеясь отогнать огромного огра. Ко'раг шагнул к орку и позволил ему нанести удар. Стальное лезвие меча ударило по плечу, едва поцарапав кожу.

Он схватил орка за голову, крепко сжал и повернул. Пленник яростно сопротивлялся, тщетно стараясь ослабить захват, но на это ему явно не хватало сил. Медленно, мучительно глаза орка начали выкатываться из орбит. Наконец

раздался треск, и, еще раз встряхнув свою жертву, сокрушитель швырнул орка на землю.

Орки Железной Орды одобрительно заревели. Сокрушитель победно вскинул окровавленный кулак, салютуя императору. Мар'гок сложил руки на груди.

Громмаш Адский Крик радостно издавал победные кличи вместе с остальными.

– Скоро нашим воинам будет не страшна магия чернокнижников! – крикнул он на всю арену, и ликование усилилось. – Поздравляю, император. Твой клан все-таки будет нам полезен.

Он повернулся к покрытой шрамами посланнице и сказал так, чтобы его слышал Мар'гок:

– Отправь приказ армии. Бойню прекратить. Верховный Молот отныне служит Железной Орде.

Радостные возгласы умолкли только через несколько минут. Верховный Молот, слуги. Под страхом смерти они изменятся. Но Громмаш назвал Мар'гока по титулу. Он все еще император.

Его мысли прервал Адский Крик.

– В твоём городе много рабов.

Мар'гок наклонился, чтобы ответить – он был должен сделать это.

– Да.

– Всех орков ты доставишь Каргату Остроруку. Они теперь в клане Изувеченной Длани. Если будешь злоумышлять против меня, если поднимешь мятеж, – фыркнул Громмаш, – я брошу против тебя рабов Верховного Молота.

Император не ответил.

Когда орки стали расходиться, Мар'гок увидел, что к нему направляется Ко'раг. На его безволосом лице играла усталая, довольная улыбка – улыбка огра, который понимает не только то, чего он достиг, но и то, что он сумеет повторить свой успех.

– Император! – Он отсалютовал.

– Ко'раг! – Мар'гок не поднял руку в ответном приветствии, но сокрушитель этого не заметил – он был слишком возбужден победой.

– Император, кажется, я смогу это повторить.

Мар'гок ухмыльнулся. – Что повторить?

– Приобрести неуязвимость к новой магии.

– Ясно. И когда ты собирался поведать мне об этом... скрытом таланте, Ко'раг?

Ко'раг, казалось, был сбит с толку.

– Я не...

Мар'гок сильно ударил его по лицу – ломая кости, сбивая с ног. Из глубин самой сущности императора выплеснулась закипевшая ярость. Брызгая слюной из обоих ртов, он молотил Ко'рага по голове, груди, плечам.

До боли в кулаках. Сокрушитель стоял на коленях, закрыв лицо руками, и не уклонялся от ударов. Его глаза налились слезами, затем в них отразилось разочарование. А когда стало ясно, что Мар'гок его больше не ударит, во взгляде Ко'рага вспыхнула ненависть. Он выплюнул белый окровавленный зуб.

Не обращая на него внимания, утомленный Мар'гок снял капюшоны и почесал лысые головы.

Вдруг он заметил, что рядом стоит покрытая шрамами посланница – она спокойно набивала свой мешок провизией.

– Отведи его к лекарям, – рявкнул он, указав на Ко'рага.

Посланница ухмыльнулась, но ничего не сказала и стала лениво шнуровать сапоги.

– Немедленно! – взревел император.

Орчиха с легкой досадой взглянула на Мар'гока – словно ей просто не понравился его громкий голос, а затем повернулась к нему спиной.

Император в ярости наблюдал за тем, как она уходит – одна.

На балконе Мар'гока стояла тишина. Камни спали.

После возвращения из Громмашара он перенес в тронный зал еще два. В служении Железной Орде были свои преимущества – теперь он мог безнаказанно вести поиски в Награнде – по крайней мере, не опасаясь орков. Громмаш, конечно,

следил за ним – но он, разумеется, не пожалеет для императора пары камней, лишь бы тот обучал его воинов.

Орки усваивали принципы защиты от магии медленно. Скорее всего, на их обучение уйдет несколько лет, а возможно, его удастся растянуть и на десятилетия. Мар'гок прикажет Ко'рагу, чтобы учеников-огров у него было вдвое больше, чем орков.

Место Варега в совете оставалось незанятым: Мар'гок назначит нового советника, когда сочтет нужным. Две громадины-огрона – промежуточная ступень эволюции между ограми и грязью – охранявшие тронный зал, были слишком тупы, чтобы не повиноваться. Это успокаивало.

Мар'гок будет ждать. Он переживет Железную Орду. Громмаш Адский Крик умеет только одно – бросаться в атаку и убивать. Вождь не уничтожит традиции клана Верховный Молот, пока тот ему нужен. Он – просто воин, у которого в руках лучшее оружие в мире. Что он знает об империи? Ничего.

Железная Орда называет огров слугами. И подданные Мар'гока будут служить. Они будут задабривать Адского Крика, лгать ему. Пока не пробьет их час.

Если император припрячет корону, то даже его можно принять за простолюдина.